

Л. А. ДМИТРИЕВ

О датировке „Сказания о Мамаевом побоище“

Одним из наиболее важных, сложных и вместе с тем почти всегда спорных вопросов в науке о древнерусской литературе является вопрос о времени создания литературного памятника.

В изучении „Сказания о Мамаевом побоище“ вопрос о времени его создания до сих пор не получил удовлетворительного разрешения, что затрудняет дальнейшее изучение этого произведения древнерусской литературы.

Предлагаемая статья ставит перед собой задачу попытаться ответить на этот вопрос.

Прежде чем переходить непосредственно к выяснению времени написания „Сказания“, необходимо кратко остановиться на вопросе о редакциях „Сказания“, чтобы определить, какая из его редакций может считаться наиболее близкой к первоначальному тексту памятника.

Вопрос о редакциях „Сказания“ и о первоначальном виде его текста подвергся тщательному рассмотрению в исследовании С. К. Шамбинаго.¹ Но уже в рецензии А. А. Шахматова² на эту работу указывалось, что текстологические данные самого же С. К. Шамбинаго свидетельствовали против намеченной им схемы последовательности и генеалогического соотношения редакций памятника.

Первой редакцией „Сказания“, наиболее близкой к авторскому тексту, С. К. Шамбинаго считал ту редакцию, которая читается в Никоновской летописи. Эта редакция в текстологическом отношении отличается от всех остальных редакций „Сказания“ тем, что в ней встречаются вставки из Летописной повести.

С. К. Шамбинаго считал, что в основе „Сказания“ лежит Летописная повесть и поэтому-то редакцию „Сказания“ в Никоновской летописи, сохранившую „план, даже целые выражения Летописной повести“,³ он определял как первую редакцию „Сказания“.

Во всех остальных редакциях „Сказания“ вставки из Летописной повести отсутствуют. Мы не встречаем в них и переработок Летописной повести, которые имеются в тексте „Сказания“ по Никоновской летописи наряду с непосредственными вставками из Летописной повести.

¹ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

² А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго: „Повести о Мамаевом побоище“. СПб., 1910, отдельный оттиск из „Отчета о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария“.

³ С. К. Шамбинаго, ук. соч., стр. 141.

Если считать, что все редакции „Сказания“ идут одна от другой или от той редакции, которая опустила все заимствования „Сказания“ из Летописной повести, то отсутствие явных вставок из Летописной повести в тексте „Сказания“ можно объяснить тем, что автор редакции, легшей в основу всех остальных редакций „Сказания“, хорошо зная текст Летописной повести, последовательно выкинул все отрывки из Летописной повести, которые встречались в „Сказании“. Но даже и при таком мало допустимом предположении нельзя ничем объяснить отсутствие во всех остальных редакциях не только вставок из Летописной повести, но и всех переработок текста „Сказания“ на материале Летописной повести, которые встречаются в редакции „Сказания“ Никоновской летописи. Все наблюдения над текстом „Сказания“ в Никоновской летописи говорят о том, что „Сказание“ в этой редакции представляет собой позднюю обработку первоначального текста памятника, сделанную на основе Летописной повести.

Митрополит Киприан как действующее лицо фигурирует во всех редакциях „Сказания“ без исключения, но в редакции Никоновской летописи ему уделено особое внимание и усиленно подчеркивается важность его роли во время событий 1380 года, между тем как в действительности в 1380 году Киприана в Москве не было.

Эта подчеркнутая тенденциозность „Сказания“ в данной редакции уже говорит о ее позднем характере. Есть все основания предполагать, что рассматриваемая редакция „Сказания“ была создана составителем Никоновской летописи в ее основной части (до 1520 года), т. е. в период между 1539—1542 годами. Характер этой редакции (подчеркнутая религиозность и подчеркнутое прославление митрополита) соответствует характеру всей Никоновской летописи, которая, по словам А. А. Шахматова, „изобилует примерами благоговейного отношения к митрополитам и тенденциозной окраской событий в духе их прославления“.¹ Так как эта редакция предназначалась для летописи, то совершенно естественно, что и обрабатывалась она по Летописной повести.

Второй редакцией С. К. Шамбинаго считал текст „Сказания“, встречающийся в трех списках: в Кирилло-Белозерской летописи (ЛОИИ, № 251), в Синодальной летописи (ГИМ, № 485) и в летописном сборнике (ГИМ, собрание Черткова, № 1^{3/55}). Все три списка XVI века.

От следующей, по классификации С. К. Шамбинаго — третьей, редакции вторая редакция отличается тем, что в ней, как и в редакции Никоновской летописи, литовский князь, союзник Мамаю, назван исторически правильно Ягайлом (в третьей редакции литовский князь назван Ольгердом).

Самая поздняя, по определению С. К. Шамбинаго — четвертая, редакция „Сказания“ отличается своей новгородской окраской. Эта редакция подчеркивает большую роль новгородцев в битве на Куликовом поле, для чего в текст этой редакции включается большая повесть о новгородцах.

О том, что повесть о новгородцах, в чтении этой редакции, не может восходить к протографу памятника, а является более поздней вставкой, свидетельствует всё ее начало, которое кратко повторяет начало основного текста — рассказ о приходе Мамаю на Русь, и ее зачин: „Скажу вам иную повесть о мужех новгородцех Великого Новгорода“. Повесть эта — не механическая вставка в ранний текст памят-

¹ А. А. Шахматов, ук. соч., стр. 157.

ника: в связи с ее включением в повествование редакторской обработке подвергся весь текст произведения, что свидетельствует о позднем характере всей этой редакции вообще.

В рассказе этой редакции о новгородцах еще так остро звучит сожаление ее автора о былом величии Новгорода, еще так свежа память о самостоятельности и независимости Новгорода от Москвы, что время создания этой редакции, по всей вероятности, нужно отнести к периоду, близкому к 70-м годам XV века, когда Новгород окончательно потерял свою независимость.

Итак, мы видим, что текст „Сказания“, наиболее близкий к первоначальному, сохранился в текстах второй или третьей редакций „Сказания“, по классификации С. К. Шамбинаго. Мы предлагаем дать наименование редакциям по их наиболее характерным признакам и поэтому будем называть в дальнейшем ту редакцию, которую С. К. Шамбинаго назвал первой, Киприановской редакцией, вторую — Летописной редакцией, третью — Основной редакцией и четвертую — Распространенной редакцией.

Для определения текста, наиболее близкого к первоначальному, необходимо установить, каким именем в авторском тексте „Сказания“ назывался литовский князь.

С. К. Шамбинаго в „Истории русской литературы“ (т. II, ч. I, М.—Л., 1945) первой редакцией „Сказания“ назвал ту редакцию, которую в своем исследовании он считал второй. Эту перемену С. К. Шамбинаго во взгляде на редакции „Сказания“ нужно объяснить, повидимому, критикой его исследования А. А. Шахматовым, так как никаких обоснований такого взгляда на генеалогию редакций „Сказания“ в этой статье он не дает.

Нужно думать, что согласившись с высказыванием А. А. Шахматова о том, что текст „Сказания“ в Никоновской летописи никак нельзя признать первой редакцией, С. К. Шамбинаго назвал позже первой вторую редакцию потому, что в ней исторически правильно литовский князь назван Ягайлом.

Но мы не можем утверждать, что текст той редакции „Сказания“, в которой литовский князь назван исторически правильно, будет ближе к авторскому, так как уже в авторском тексте литовский князь мог называться не Ягайлом, а Ольгердом. А. А. Шахматов в своей рецензии писал по этому поводу: „Если мы примем во внимание, что 2-я редакция обретается в летописных сводах и притом, как оказывается, входит в состав самой летописи, то эту черту ее (литовский князь — Ягайло, — Л. Д.) можно объяснить себе и естественною, необходимою поправкой со стороны редактора летописи, только что сообщившего под 6885 годом о смерти Ольгерда“.¹

Текстологические сопоставления Летописной и Основной редакций „Сказания“ убеждают нас в том, что Летописная редакция переименовала имя литовского князя и что в первоначальном тексте памятника литовский князь называется Ольгердом.

Ягайлом литовский князь назван в Летописной и Киприановской редакциях „Сказания“. Причина замены в этих редакциях неправильно названного в первоначальном тексте имени литовского князя именем исторически правильным ясна: как уже отмечалось выше, Киприановская редакция перерабатывала протограф „Сказания“, пользуясь Летописной повестью, в Летописной же редакции эта замена произошла

¹ А. А. Шахматов, ук. соч., стр. 85.

под влиянием летописи и Летописной повести, которую заменила собой Летописная редакция „Сказания“ в летописи.

Такая замена исторически неправильно названного имени никакой переработки содержания текста не повлекла, кроме исправления в соответствующих местах, где говорится об Ольгердовичах, слова „отец“ на „брат“. Поэтому некоторые места в тексте, говорящие о литовском князе, соотносимые с именем Ягайла, попрежнему соответствуют биографии не этого князя, но Ольгерда.

Если мы сопоставим по различным редакциям те места, где говорится о детях Ольгерда — Андрее и Дмитрие, — пришедших на помощь великому князю московскому, то увидим, что первоначальное имя „Ольгерд“ было заменено именем „Ягайло“.

Основная редакция

В то ж время слышав князь Андрей полотский и князь Дмитрий брянский Волгордовичи, яко велика туга... Беста бо те князи отцом своим князем Волгордом ненавидимы были, мачехи ради.

Летописная редакция

В то ж время услышели князь Ондри полотский и князь Дмитри брянский Ольгердовичи, что велика туга... беста бо еси отцем и братом ненавидими, но богом возлюблены, бе бо еси едино крещение от мачехи своя.

Андрей посылает грамоту, в которой написано:

Основная редакция

Веси, брате мой възлюбленный, яко отец наш отверже нас от себе, нь господь бог, отец небесный, паче възлюби нас... поидем, брате, на помощ великому князю Дмитрию московскому и всему православному христианству. Велика бо туга належить им от поганых измаитян, нь еще и отец наш и Олег рязанский приложылся безбожным... нам, брате, подобает святое писание съвршити, глаголющее: братие въ бедах пособивы бывайте. Не сумняй же ся, брате, яко отцу противитися нам, яко ж евангелист Лука рече усты господя нашего Иуса Христа: предани будете родители и братию и умретьвитися, имени моего ради.

Летописная редакция

Веси ли, брате мой милыи, яко отец наш отверже нас от себе, но паче отец небесныи присвоены к себе... поидем, брате, к великому князю на помощь. Ныне, брате, великому князю московскому велика туга належит от поганых измаитян, но еще и брат наш Ягайло порапотае ему, но Олег рязанский приводит их. Нам же подобает апостольское слово скончати: братиа, в бедах пособники бывайте. И помислив, что нам родителем противитися, и евангелист Лука рече усты Спасителя нашего: предани будете родители ваши и братею, умрети имате имени моего ради.

Сравнивая чтения этих отрывков по различным редакциям, мы убеждаемся в том, что замена имени „Ольгерд“ на „Ягайло“ была произведена в Летописной редакции.

В самом деле, фраза первого отрывка о том, что Ольгердовичи были ненавидимы своим отцом, вполне оправдана и уместна в Основной редакции, так как там речь идет об Ольгерде, отце литовских князей, и этой фразой как бы дается первый намек на то, почему Ольгердовичи решились пойти против отца на стороне Дмитрия и почему между ними и отцом существует вражда.

В Летописной редакции эта фраза также есть, но в ней прибавлено: „отцом и братом“. Это первое упоминание об Ольгерде в Летописной редакции „Сказания“. Хотя по имени он не назван, но понятно, что речь идет о нем. В сущности наличие этого места оправдано и в Летописной редакции, так как автор говорит „отцом и братом“, но это добавление „и братом“ было сделано потому, что в этой редакции говорится не об отце Ольгердовичей, а о их брате, и непонятно, к чему

упоминать в этой редакции имя отца, когда речь всё время идет только о брате — Ягайле?

Если с самого начала говорилось лишь о том, что брат Ольгердовичей соединился с Мамаем, то упоминание их отца ничем не оправдано. Если же в первоначальном, изменяемом тексте речь шла всё время об отце и данный отрывок как раз и объяснял причину того, почему сыновья восстали против отца, то становится ясным, откуда в Летописной редакции появилось упоминание об отце Ольгердовичей: из первоначального текста, где говорилось не о брате, а об отце. Автор Летописной редакции перенес этот рассказ, объясняющий причину того, почему дети восстали на отца, в свой текст из первоначального, не подвергая его существенным изменениям, но так как всюду он заменял имя отца на имя его сына и брата Ольгердовичей, а здесь он этого сделать не мог, то ему и пришлось прибавить к старшему тексту: „и братом“.

С еще большей убедительностью подтверждает замену имени „Ольгерд“ на имя „Ягайло“ второй отрывок: Ольгердовичи, присоединяясь к Дмитрию, восстают против своего отца, и автор разъясняет, как это могло произойти, оправдывая с морально-религиозной точки зрения эту измену детей родному отцу. Андрей Ольгердович в письме к брату говорит о том, что отец отверг их от себя, но зато их возлюбил небесный отец. Это рассуждение об отце земном и отце небесном понятно и оправдано в Основной редакции, но не ясно, для чего оно вставлено в Летописную редакцию, где весь конфликт происходит между братьями. Ниже Андрей в письме к брату оправдывает то, что они будут „отцу противиться“, цитатой из евангелиста Луки. В Летописной редакции вместо „отцу“ — „родителем“. Ясно, что первоначально здесь было „отцу“, а автор Летописной редакции переменял это на „родителем“ под влиянием приводимой ниже цитаты: „предани будете родители ваши“.

Сущность этих двух больших отрывков заключается в оправдании, с точки зрения христианской морали, поступка Ольгердовичей, пошедших против родного отца, и поэтому автор так долго и подробно останавливается на этом. Выступление против брата не требовало бы такого подробного рассуждения.

В письме к Ольгерду Олег пишет о том, что, зная его давнишнее желание владеть Москвой, он спешит сообщить ему о готовящемся походе Мамайя и советует присоединиться к татарам. В этом письме мы читаем такую фразу (цитируем ее по Летописной редакции, где литовский князь назван Ягайлом): „Вем бо, яко издавна мыслил еси московского князя Дмитрея изгонити и московскою отчиною владети“. Так можно было сказать только об Ольгерде, который трижды пытался взять Москву, а не об Ягайле, который ни разу не ходил на Москву. Это говорит о том, что в первоначальном тексте фигурировал Ольгерд, а не Ягайло.

Итак, на основе текстологических сопоставлений становится ясно, что в авторском тексте памятника было имя „Ольгерд“, а замена его на „Ягайло“ — индивидуальная особенность Летописной и Киприановской редакций „Сказания“.

Исходя из всего этого, мы можем утверждать, что текст „Сказания“ по Основной редакции наиболее близок к первоначальному тексту памятника.

Основная редакция „Сказания“ дошла до нас в наибольшем количестве списков и отличается обилием вариантов. Текстологические

наблюдения над различными списками этой редакции приводят к выводу, что лучшим текстом, который может быть положен в основу всех вариантов этой редакции, является текст по списку конца XVI века — ГПБ. О. IV. 22. Этот текст с внесением в него некоторых поправок путем сопоставления его с другими списками „Сказания“ и берется нами при выяснении вопроса о времени написания памятника.

* * *

Поздние редакции „Сказания“ — Киприановская и Распространенная — были сложены не позже конца XV — начала XVI века. Следовательно авторский текст „Сказания“ был создан ранее этого времени.

Можно думать, что со „Сказанием“ был знаком Вассиан Рыло, и это знакомство отразилось в его послании на Угру. Мы приведем то место из его послания, где он напоминает великому князю Ивану III о битве Дмитрия с Мамаем:

„И достойный хвалам великий князь Дмитрий, прадед твой яково мужество и храбрость показа за Доном над теми же окаянными сыроядцы, иже самому напреди битися и не пощадети живота своего, избавления ради христианскаго. И видев милосердый и человеколюбивый бог непреложную его мысль, како хошет не токмо до крове, но и до смерти страдати за веру христову и за святыя церкви и за врученное ему от бога словесное стадо христовых овец, яко истинный пастырь, подобясь преждебывшим мучеником, — святии бо мученицы на страдания и раны любве ради божиа, якоже на пища, на смерть течаху; тако и сей боголюбивый и крепкий смерть якоже приобретение вменяху, не усумнися, не убоися татарскаго множества, не обратися вспять и не рече в сердцы своем: «жену имею и дети, и богатство многое, аще и землю мою возмут, то инде вселюся»; но без сомнения скочи в подвиг и наперед выеха и в лице став против окаянному разумному волку Мамаю, хотя исхитити изо уст его словесное стадо христовых овец, — тем же и милостивый бог дерзости его ради не покосне, ни умедли, ни помяну святых его согрешения, но вскоре посла свою помощь, ангелы и святыя мученики, помогати ему на сопротивныя. Тем же господа ради подвизавыйся и донныне похваляем есть и славим, не токмо от человек, но и от бога: ангелы удиви и человеки возвесели своим мужеством. И сподвизающиися ему даже и до смерти от бога согрешением оставления приаща и венцы мученическими почтени быша, равно якоже и первии мученицы, иже веры ради пострадаша от мучителей, исповедания ради христова умроша, сии же тако в последнее время за веру и за церкви божиа умроша и равно с сими венцы приаща; а иже тогда от сопротивных уязвляеми и по победе живи обретошася, сии кровию омыша первая согрешения и яко победители крепцы врагом явишася и великим похвалам и чести достойни быша, не токмо от человек, но и от бога“.¹

Продитированный отрывок из послания Вассиана Рыло обнаруживает знакомство его автора со „Сказанием о Мамаевом побоище“. Вассиан подчеркивает, что Дмитрий сам бился впереди всех. Вассиан говорит о мужестве великого князя, не подумавшего во время опасности для всей Русской земли о возможности уйти со всей семьей в дальние земли. Также к „Сказанию“, можно думать, восходят слова о венцах, которыми награждаются сподвижники Дмитрия Донского.

¹ ПСРЛ, т. XII, 1901, стр. 207—208.

Таким образом, в 1480 году „Сказание“ было известно русскому читателю.

Сопоставление „Сказания“ с посланием Вассиана Рыло является всё же косвенным и не бесспорным доказательством возможного времени написания „Сказания“. Основной материал для определения времени написания „Сказания о Мамаевом побоище“ нам должен дать сам памятник.

Есть все основания считать, что „Сказание о Мамаевом побоище“ не могло возникнуть позже 1456 года.

„Сказание“ усиленно подчеркивает братскую любовь между Дмитрием и его двоюродным братом, князем серпуховским Владимиром Андреевичем. Серпуховский князь представлен неизменным и самым близким сподвижником Дмитрия Ивановича Донского.

В отношениях между Дмитрием Донским и Владимиром за всё время княжения Дмитрия произошло только одно розмирье в 1388 году, но продолжалось оно немногим более двух месяцев. В год вступления на великокняжеский стол сына Дмитрия Донского, Василия Дмитриевича, между ним и Владимиром произошло розмирье, но очень скоро дядя и племянник примирились. Во всё же остальное время отношения Владимира Андреевича и его потомков с князьями московскими были неизменно дружественными, и серпуховские князья оказывались всегда верными помощниками князей московских. Серпуховские князья были тесно связаны с московскими князьями и тем, что им принадлежала „треть“ в Москве.

Эти традиционные близкие союзнические отношения между серпуховским и московским князьями ярко проявились и во время феодальной войны 30—40-х годов XV века: серпуховский князь Василий Ярославич (внук Владимира Андреевича) неизменно оставался на стороне московского князя Василия Васильевича и оказывал ему большую помощь в его борьбе с галицкими князьями. Но в 1456 году, когда Василий Васильевич начинает решительно подчинять себе все удельные московские княжества, он, вопреки всем своим прежним договорам и пожалованиям, заключает в заточение серпуховского князя. Когда в 1462 году была сделана попытка освободить серпуховского князя, Василий Васильевич жестоко расправился с теми, кто принимал участие в этом предприятии.

Таким образом, в 1456 году прекратило свое существование княжество Серпуховское: „треть“ в Москве, принадлежавшая серпуховским князьям, перешла к великому князю московскому. Близкие дружественные отношения между князьями московскими и серпуховскими были грубо нарушены.

После этих событий не было никаких оснований показывать близость и дружественный характер отношений между князьями московским и серпуховским и подчеркивать, что и Владимир Андреевич сыграл большую роль в событиях 1380 года. Если бы автором памятника был сторонник политики московского князя, то он постарался бы после таких событий свести роль Владимира серпуховского в битве на Куликовом поле на нет; если бы он был из людей, близких к серпуховскому князю, то он постарался бы подчеркнуть особую роль, особо важное значение в победе над Мамаем Владимира Андреевича серпуховского, — мы же не видим в памятнике ни того, ни другого.

Роль и значение Владимира Андреевича серпуховского, каким он показан в „Сказании“, а также отношение к нему автора „Сказания“ говорят о том, что это могло иметь место только до событий 1456 года.

Итак, „Сказание о Мамаевом побоище“ возникло не позже чем в первой половине XV века. Но первая половина этого столетия столь богата историческими событиями, имевшими большое государственное значение, что необходимо попытаться более точно определить время написания „Сказания“.

Едва ли во время „смуты“ 30—40-х годов мог возникнуть такой памятник, как „Сказание о Мамаевом побоище“. Автор „Сказания“ призывает к единению русских князей; идейный смысл этого произведения заключается в показе силы объединения русских княжеств вокруг Москвы, во главе с Москвой. Однако призыв этот нельзя соотносить с событиями внутренней феодальной войны, так как в „Сказании“ это — призыв во имя борьбы с внешним врагом — татарами: объединение вокруг Москвы изображается необходимым для успешной борьбы с Ордой.

Обращение к такому историческому событию, как битва на Куликовом поле, желание рассказать о победе русских над татарами могло появиться не в связи с внутренними феодальными неурядицами, а в связи с такими историческими событиями, которые касались отношений между Русью и Ордой.

Рассмотрим теперь более мелкие, частные детали „Сказания“, которые дают некоторый материал для определения времени его написания.

Обращает на себя внимание такой факт: в „Сказании“ ни разу не назван митрополит Алексей. Лишь иногда, в редких списках, ничем между собой генеалогически не связанных, случайно появляется рядом с именем митрополита Петра и имя Алексея. Совершенно очевидно, что эти чтения восходят не к первоначальному тексту памятника, а являются индивидуальными особенностями отдельных списков. Отсутствие имени митрополита Алексея в тексте „Сказания“ говорит о том, что во время написания „Сказания“ Алексей еще не был канонизован. Если бы „Сказание“ было написано после канонизации Алексея, то автор обязательно называл бы его рядом с митрополитом Петром.

Это дает право предполагать, что „Сказание о Мамаевом побоище“ было написано до 1431 года — года канонизации Алексея.

О близком к концу XIV века времени написания „Сказания“ свидетельствуют упоминаемые в тексте памятника имена гостей-сурожан, которых великий князь взял с собою на Куликово поле.

Первым среди них назван Василий Капица; М. Н. Тихомиров весьма убедительно определяет возможное исторически реальное лицо, носившее это имя: „О начале рода Ермолиных можно судить по тем прозвищам, которые носил Дмитрий Ермолин. Его называли по деду Васкиным (от московских великих купцов, нарицаем Ермолин Васкина)». Известно было, что отец Дмитрия, Ермола, постригся в Троицком монастыре, «„преобидив толикое богатство и таковой лик сынов, паче же благородием сущим и богатем“, при игумене Никоне, т. е. до 1426 года. Пострижение в монастырь обычно обозначало конец мирской карьеры и совершалось на склоне лет. Следовательно, деятельность Ермолы надо относить к началу XV века, а вернее, к еще более раннему времени — концу XIV столетия. В том же Троицком монастыре был пострижен и Герман, брат Ермолы».¹ Отцом Ермолы, как мы видели, был некий Васка или Васька, т. е. Василий, родовое имя, сохранившееся у Ермолиных и позже. Ермола не упоминается в списке гостей-

¹ Н. Тихомиров. Древние жития Сергия Радонежского. М., 1892, стр. 158—160.

сурожан, взятых Дмитрием Донским в поход против Мамаю, но в нем показан на первом месте «Василий Капица» (или Капча), которого предположительно можно считать родоначальником Ермолиных¹.

Хорошо была известна на древней Руси купеческая семья Саларевых, подробную историю ее нескольких поколений проследил В. Е. Сыроечковский в своей книге „Гости-сурожане“.²

Имя Кузьмы Ковыри М. Н. Тихомиров считает искаженным написанием имени родоначальника рода Ховриных. Подтверждением его предположения служит чтение Забелинского варианта Основной редакции, где вместо „Ковыря“ читаем „Ховрин“. М. Н. Тихомиров пишет по этому поводу: „Нас привлекает прежде всего имя Козмы Ховрина, в котором надо видеть родоначальника Ховриных, происхождение которых от богатых гостей—крымских выходцев—куда более вероятно, чем родословное древо от некоего князя Стефана из Крыма“.³

Не менее интересны соображения М. Н. Тихомирова и по поводу имени Семена Антонова. В Забелинском варианте Основной редакции вместо этого имени читается: Антон Верблюзин. Заметим, что в одном из списков группы У Основной редакции (ГПБ. Q. IV. 342) вместо Семена Антонова—Антон Елзубин. По поводу чтения Забелинского варианта М. Н. Тихомиров пишет: „Что это не ошибка, а более древняя традиция, дает следующая справка. Житие Сергия знает гостя Семена Антонова, который родился по предсказанию игумена Сергия. Сергий «любовь и благодетельство име к родителем моим»,—говорит Антонов. Семен Антонов живет и действует в первой четверти XV века, спустя 30—40 лет после Куликовской битвы, а Антон Верблюзин—его отец. Позднейшие переделки вставили Семена Антонова на место Антона Верблюзина, так как первый был известен по житию Сергия“.⁴

Реальное лицо нужно видеть и за именем Тимофея Весякова. О нем М. Н. Тихомиров пишет: „Менее известно о Тимофее Весякове, но «Весяков двор» стоял в Китай-городе поблизости от Богоявленского монастыря во второй половине XV века“.⁵

То же самое нужно сказать и о Иване Шихе: „Потомка еще одного гостя-сурожанина, ходившего против татар с Дмитрием Донским, Ивана Шиха, мы найдем во второй половине XV века. Это Андрей Шихов, один из кредиторов князя Юрия Васильевича. Князь получил от него 30 рублей, отдав в заклад постав ипрского сукна“.⁶

Из приведенных материалов мы можем сделать вывод, что автор „Сказания“ пользовался в данном случае либо документальными материалами, непосредственно относящимися к походу 1380 года, либо устными сведениями, которые в его время еще хорошо помнили. Позже некоторые из первоначальных имен были заменены именами потомков лиц, принимавших участие в событиях 1380 года.

Имя Антон Верблюзин или Антон Елзубин никак не могло заменить имени Семена Антонова, так как первое древнее, чем второе; могла произойти лишь замена первоначально читавшегося имени, случайно сохранившегося в двух различных списках „Сказания“, более поздним.

Замена такая могла произойти, очевидно, не позже второй половины XV века, когда уже было забыто имя Антона Верблюзина, а Семена

¹ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва (XII—XV). М., 1947, стр. 109.

² В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. Известия ГАИМК, вып. 127, 1935.

³ М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 206.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 108.

⁶ Там же, стр. 108—109.

Онтонова помнили хорошо и в устной традиции, и по „Житию“ Сергия.

Наличие в тексте „Сказания“ таких мало известных имен, как Онтон Верблюзин, Василий Капица, которыми назывались купцы, как можно предполагать, действительно жившие в конце XIV века и не встречаемые нами в других источниках, правильное написание имени Ховрина — всё это говорит в пользу того, что „Сказание“ было написано тогда, когда еще хорошо помнили этих людей, т. е. в начале XV века.

Дает материал для датировки „Сказания“ и колебание по различным спискам различных редакций в имени коломенского епископа.

В основном списке „Сказания“ (ГПБ. 0. IV. 22) имя этого епископа — Геронтий. В целом ряде списков Основной редакции, в Летописной и в Распространенной редакциях „Сказания“ имя епископа коломенского — Герасим. В отдельных списках — Галасий.

Чем объяснить эти различия в имени коломенского епископа и какое имя было в первоначальном тексте?

Очевидно, в авторском тексте коломенский епископ был назван правильно — Герасим (в 1380 году коломенским епископом был Герасим, поставленный в коломенские епископы в 1375 и скончавшийся в 1388 году). Во второй половине XV века, при переписывании текста автоматически, по созвучию имен, переписчик ошибочно вместо Герасим написал Геронтий, так как в это время коломенским епископом был Геронтий. Это могло произойти в период между 1453—1473 годами, после 1473 года коломенский епископ Геронтий был поставлен в коломенские митрополиты и уж в это время едва ли его имя могли перепутать с именем епископа Герасима. Такой же путаницей по созвучию имен можно объяснить и появление в некоторых списках имени „Геласий“ (такого коломенского епископа не было вообще). Имя коломенского епископа названо в тексте только один раз, при первом его упоминании. Поэтому замена правильного имени „Герасим“ именем „Геронтий“ вполне могла иметь место. Это была чисто механическая описка, и произойти она могла только между 1453—1473 годами, когда Геронтий был епископом.

Это обстоятельство говорит о том, что „Сказание“ было написано не позже первой половины XV века. О том, что автор близко знал описываемые события, свидетельствует следующее место в „Сказании“.

После битвы Владимир Андреевич серпуховский спрашивает всех воинов о великом князе Дмитрие Ивановиче. Последним на этот вопрос отвечает „юн же юноша, некто Стефан, новосельских князей“. Его ответу уделяется самое большое внимание, и всем этим эпизодом как бы подчеркивается его близость к князю серпуховскому Владимиру Андреевичу. Это не случайно. Яков Юрьевич новосельский был заместителем Владимира Андреевича в Серпухове — под 6882 (1374) годом мы читаем в Воскресенской летописи: „Того же лета князь Володимир Андреевич заложил град Серпухов в своей отчине... заместничество же приказа в граде том Якову Юриевичю Новосилдю, околничему своему“.¹ Стефана в роде новосильских князей не было, но это кто-то из их людей, которые, конечно, служили вместе со своим князем князю серпуховскому, что и нашло отражение в рассмотренном эпизоде.

По мнению многих исследователей „Сказания о Мамаевом побоище“, ряд исторических ошибок и анахронизмов, встречающихся в этом произведении, свидетельствует о позднем его происхождении.

¹ ПСРА, т. VIII, 1859, стр. 21.

Внимательный анализ так называемых ошибок „Сказания“ и анахронизмов позволяет оценить их совершенно иначе и извлечь из них материал, который помогает уточнить время написания „Сказания“.

Прежде всего здесь необходимо отметить упоминание в „Сказании“ действующим лицом событий 1380 года митрополита Киприана и имя литовского князя в первоначальном тексте памятника, где, как мы могли в этом убедиться выше, он был назван исторически неправильно — Ольгерд.

Эти имена встречаются в тексте памятника не один раз, это не случайные эпизодические персонажи, а действующие лица всего произведения, тесно связанные со всем содержанием памятника. Они играют большую роль в выражении идейного смысла „Сказания“. Таким образом, перед нами вполне сознательное введение в число действующих лиц произведения этих людей, и говорить здесь о простой ошибке, вызванной незнанием автором исторических фактов из-за отдаленности от них по времени, нет оснований.

Замена имени Ягайла Ольгердом могла быть сделана только тогда, когда еще свежа была память об Ольгерде, а Ягайло был жив и называть его врагом Москвы и союзником Мамаю было неудобно. Весьма возможно, что после битвы при Грюнвальде, в которой Ягайло с польскими войсками участвовал вместе с русскими силами в борьбе славян против немецких рыцарей, о Ягайле на Руси могло создаться представление как о союзнике Руси. Поэтому автор назвал союзником Мамаю не Ягайла, а Ольгерда. Подобная замена имен могла иметь место только до смерти Ягайло, т. е. до 1434 года.

В то же время включение в число участников событий 1380 года митрополита Киприана едва ли могло иметь место до его смерти: при жизни Киприана говорить вопреки исторической правде о том, что он находился в 1380 году в Москве, было неудобно. Для Киприана это являлось бы напоминанием об одном из самых неприятных событий в его деятельности на Руси, напоминанием о том, что во время столь важного для истории Москвы, Русской земли и русской церкви события, как Куликовская битва, он находился в Киеве, изгнанный в 1378 году великим князем из Москвы.

Итак, изображение Ольгерда и Киприана действующими лицами в событиях 1380 года говорит о том, что „Сказание“ не могло быть написано раньше 1406 года, года смерти Киприана, и позже 1434 года, года смерти Ягайла.

Явным анахронизмом в „Сказании“ считается упоминание в нем иконы богородицы, которую „Лука-евангелист живь сый, написа“, якобы находившейся в 1380 году в Москве.

Иконой, написанной Лукой-евангелистом, считалась икона Владимирской божией матери, которая, по летописным данным, была перенесена из Владимирского Успенского собора в Московский Успенский собор в 1395 году, во время приближения к Москве Тамерлана.

Но, есть некоторые основания думать, что икона эта временно могла находиться в Москве и в 1380 году.

Рассказывая о перенесении иконы Владимирской божией матери в Москву в 1395 году, Е. Голубинский в своей книге „История русской церкви“ к этому рассказу делает такое примечание:

„По общепринятому мнению, икона Владимирской божией матери, принесенная в Москву в 1395 году, осталась в Москве навсегда. Повторяя общепринятое мнение, это и мы говорим выше. Однако существуют большие основания полагать, что после 1395 года икона

опять была возвращаема во Владимир и что окончательно или навсегда она принесена в Москву в 1480 году. Летописи, рассказывая о набеге в 1410 году на Владимир татарского царевича Талыча, говорят, что татары «высекши [запертые] двери святых Богородицы [Владимирского Успенского собора] и вшедше в ню, икону чудную святых Богородица одраша, также и прочаа иконы». Под иконой чудной святых Богородицы со всею вероятностью должно разуместь именно икону Владимирской божией матери (ибо другой иконы, которую бы разуместь, не может быть и указано). В месяцеслове одной Следованной псалтыри XVI в., находящейся в библиотеке Троицкой Сергиевой Лавры, говорится под 23 июня: «прииде чудотворная икона пречистых Богоматере из Володимера в град Москву 6988 (1480)», № 321, см. печати. Описание ч. II, стр. 99. Нынешняя риза на Владимирской иконе божией матери сделана митр. Фотием... Естественно предполагать, что Фотий сделал новую ризу по причине утраты старой ризы: но в правление Фотия старая риза могла утратиться, именно только быв одрана с иконы татарами при набеге их на Владимир (в 1408 году приходил под Москву Едигей, но Москва не была им взята). Наконец, установленное в 1480-м году празднование Владимирской иконе божией матери в 23 день июня заставляет предполагать принесение иконы из Владимира: этот 23 день июня, в который установлено празднование, очевидно, был днем знаменательным по отношению к иконе; но так как Ахмат бежал с Угры не 23 июня, а 7 ноября, то другой знаменательности, кроме того, что 23 июня икона принесена из Владимира в Москву, не может быть предполагаемо¹.

Эта справка Е. Голубинского заслуживает большого внимания, она дает право предполагать, что уже ранее 1395 года существовал обычай, связанный с перенесением митрополии из Владимира в Москву, в некоторых случаях (либо особых торжеств, либо для предотвращения несчастий, грозивших Москве) приносить на это время Владимирскую икону в Москву.

О готовящемся нашествии Мамайя было известно заранее, и Владимирская икона могла быть принесена в Москву. Более того, приводимая Голубинским цитата из Следованной псалтыри XVI века Троице-Сергиевской лавры как будто бы дает право думать, что или перенесение этой иконы в 1480 году в Москву было приурочено к 100-летию со времени ее перенесения в Москву перед Куликовской битвой, или в данном случае произошла ошибка и нужно читать не 1480, а 1380 год, т. е. год Куликовской битвы. К концу июня месяца, заранее, икона могла быть в 1380 году в Москве, так как к этому времени уже знали о приготовлениях Мамайя. Специальной записи о перенесении этой иконы в Москву перед Куликовской битвой сделано не было, но память об этом осталась. Зная, что в 1380 году икона была в Москве, автор „Сказания“ и упомянул ее в своем тексте.

Подтверждением предположения о том, что прежде чем эта икона была окончательно перенесена в Москву, она приносилась туда в некоторых случаях временно, а затем опять возвращалась во Владимир, служит такая фраза повести о нашествии Едигея: в рассказе о походе на Москву Свидригайла Ольгердовича мы читаем: „... и вдаше ему [Василий Дмитриевич — Свидригайлу] гради мнози, мало не половину великаго княжения московьскаго, и славный град Владимирь, в нем же

¹ Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 1-я половина тома. М., 1900, стр. 333.

соборнаа церковь пречистыа богородици Успение, златоверхаа нарицаемаа, 5 бо верхов златых имеа, в ней же чюдотворнаа икона пречистыа Богородицы, иже многа чюдеса и знамена сотворяеть и поганыа устрашает“.¹ Из этой записи следует, что после 1395 года Владимирская икона была снова возвращена во Владимир. Это обстоятельство только подтверждает возможность того, что и в 1380 году эта икона временно находилась в Москве.

Следовательно, есть основания утверждать, что упоминание в „Сказании“ Владимирской иконы не анахронизм, а отражение действительного факта.

Но если даже это предположение не может быть принято и мы имеем в „Сказании“ ошибку, то это говорит лишь о том, что „Сказание“ было написано после 1395 года, и такая ошибка могла быть допущена именно вскоре после 1395 года, так как после отступления Тамерлана с Владимирской иконой связывалось представление о ее особой силе как защитницы Москвы от поганых, и поэтому-то автор отметил, что перед походом на битву с татарами Дмитрий молился перед этой иконой.

Следующим анахронизмом считается упоминание в тексте „Сказания“ снохи великой княгини. После описания выезда воинов из Москвы говорится, что великая княгиня возвращается в терем со своею снохою, княгинями и воеводскими женами.

В основном тексте и в некоторых других списках „Сказания“ это место читается так: „Княгиня ж великаа Евдокия с своею снохою, княгинею Володимеровою Мариею и с воеводскими женами...“. По структуре этой фразы мы видим, что снохою великой княгини названа жена князя Владимира Андреевича. Владимир Андреевич был младше Дмитрия Донского и приходился ему двоюродным братом. По феодальным представлениям, Дмитрий был Владимиру „в отца место“, и поэтому жена Владимира, т. е. жена младшего князя и по феодальной иерархии, и по чисто родственным кровным отношениям, по отношению к жене старшего могла быть названа ее снохой. Жену Владимира Андреевича звали Еленой, а в приведенном выше тексте она названа Марией. Как известно, Елена, дочь Ольгерда, была из Литвы, а сведений о том, была ли она православного вероисповедания или католического и меняла ли свое имя по пришествии на Русь, у нас нет, и, может быть, в данном случае перед нами ее второе имя, о котором в летописных записях ничего не было сказано, а автор „Сказания“ назвал ее этим вторым именем, известным только современникам.

Если же предлагаемое объяснение нельзя считать удовлетворительным, то остается предположить, что слова о снохе являются случайной опиской. Такая ошибка могла быть сделана автором или переписчиком в близком к авторскому тексту списке. Она не может свидетельствовать о более позднем, чем начало XV века, происхождении „Сказания“ (тогда у великой княгини московской было уже несколько снох), так как в остальном рассматриваемое место „Сказания“ говорит о прекрасном знании автором действительных фактов: он знает, что в 1380 году у Дмитрия было два сына, знает, что они еще молоды, знает их имена.

Наконец, к числу анахронизмов „Сказания“ относят упоминание в числе князей, принявших участие в походе, князей кемских, андомских, каргопольских, прозоровских и курбских, а также слова о том, что в битве было убито 8 белозерских князей. Но в обоих этих слу-

¹ ПСРЛ, т. XI, 1897, стр. 237.

чаях есть все основания видеть отражение реальных фактов, по иным источникам нам неизвестных, а не ошибки или выдумки автора „Сказания“.

Дело в том, что все вышеперечисленные уделы образуются в составе княжеств Белозерского и Ярославского в годы с конца XIV—начала XV века и в том же XV веке все они прекращают свое существование. Это настолько мелкие, незначительные и кратковременно существовавшие уделы, что упоминание их как самостоятельных единиц в „Сказании“ говорит о том, что оно было написано в начале XV века, когда эти уделы имели значение и именовались как отдельные земли в составе Белозерского и Ярославского княжеств.

Перечисление этих княжеств в начале „Сказания“ объясняет упоминание в конце памятника 8 убитых белозерских князей. Белозерскими князьями названы в „Сказании“ и кемский, и каргопольский (искаженное написание Карголомского княжества), и андомские князья, уделы которых действительно входили в состав Белозерского княжества. Таким образом, как в упоминании этих князей, так и в словах о том, что было убито 8 белозерских князей, нет никаких оснований видеть ошибку.

Из обзора всех так называемых анахронизмов „Сказания“ мы видим, что нет никакой причины считать на основании их „Сказание“ написанным значительно позже, чем произошли события, в нем описываемые.

Более того, все „анахронизмы“ свидетельствуют скорее о том, что „Сказание“ было написано еще по свежим воспоминаниям о битве на Куликовом поле; больше оснований видеть в них сообщения о таких фактах, которые были известны лишь современникам и по каким-то причинам в летописные записи не попали, а сохранились только в „Сказании о Мамаевом побоище“.

Итак, можно утверждать, что время возникновения „Сказания“ относится к первой половине XV века. Характер памятника противоречит возможности возникновения его во время феодальной смуты, поэтому мы можем еще точнее ограничить время написания „Сказания“ — первой четвертью XV века.

После Едигеева нашествия в 1408 году вопрос о взаимоотношениях с Ордой, о татарской опасности вновь всплывает на поверхность общественной и политической жизни Руси. Едигеево нашествие показало, что Орда еще сильна и опасность татарских набегов на Русь была реальной и страшной. Но пример Куликовской битвы свидетельствовал о том, что с этой опасностью можно успешно бороться, что Москва способна нанести сильное поражение Орде.

Именно в это время, когда опасность нападения Орды была как бы забыта, а потом вновь дала знать себя после Едигеева нашествия, должен был появиться усиленный интерес к недавнему прошлому, когда московский князь, объединив вокруг Москвы остальные княжества северо-восточной Руси, нанес жестокое поражение военному походу татар. Нашествие Едигея пробуждает с еще большей остротой мысль о необходимости единения русских князей для борьбы с внешним врагом, так как в победе Дмитрия Донского видели силу единения русских князей, русских земель во главе с Москвой, великим князем московским. Эта мысль отчетливо звучит в высказываниях летописца тех лет, она же является основной и в „Сказании о Мамаевом побоище“.

Конец XIV—начало XV века, время после Куликовской битвы, ознаменовалось расцветом русской культуры. Для русской культуры этого периода характерно „особое внимание к государственным инте-

ресам страны“.¹ Время после Куликовской битвы характеризуется интенсивной борьбой как внутри страны, так и с внешними врагами за укрепление Москвы как объединяющего центра разрозненных русских княжеств. Этим определялось обилие воинских повестей в рассматриваемый период — сама жизнь диктовала темы для литературных произведений.

Становление Москвы как центра Русского государства определяло в этот период стремление подчеркнуть прямое наследование киевским князьям московского княжеского дома.

Это был период, когда союз княжеской власти с высшей властью церковной имел большое значение и играл положительную роль в деле усиления Москвы. Отчасти этим можно объяснить сильное влияние в данный период церкви на литературу, что придавало литературным памятникам этого времени ярко религиозный характер, усиливало их риторичность.

Наиболее значительные повести конца XIV и начала XV века, рассказывающие о борьбе с татарами, такие, как повести о нашествии Тохтамыша, о Темир Аксаке, о нашествии Едигея, стремятся с наибольшей полнотой, со всеми подробностями осветить исторические события.

Для повести о нашествии Тохтамыша и Едигея характерно стремление подчеркнуть, что из-за отсутствия единения князей перед лицом врага татары смогли нанести поражение русским. Повесть о Темир Аксаке интересна тем, что в обеих ее редакциях важная роль в происходящих событиях отводится митрополиту Киприану.

Для всех этих повестей, несмотря на большое между ними различие, характерны правоучительные риторические отступления, в которых автор, пользуясь цитатами из церковных текстов, высказывает свое отношение, свою оценку описываемых им событий. Для всех редакций повести о Тохтамышевом нашествии знаменателен интерес к простым людям, к народу, участвовавшему в обороне Москвы.

В стиле небольших по размеру повестей мы замечаем те же характерные особенности, которые в значительно более развернутом виде проявляются в „Сказании о Мамаевом побоище“.

Особенно остро все вопросы, затронутые в „Сказании“, — победа над татарами, торжество русской воинской силы, призыв к единению русских князей и показ действенной силы этого единения в борьбе с Ордой — встали после Едигеева нашествия. Мы можем отметить и некоторую стилистическую близость между „Сказанием“ и основными воинскими повестями конца XIV — начала XV века.

Всё это дает право утверждать, что „Сказание“ вероятнее всего могло возникнуть в 10-х годах XV столетия.

¹ Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования русского национального государства. Госполитиздат, 1946, стр. 19.